

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

НЕТ СТРАШНЕЕ ВРАГА,
КОТОРЫЙ УЖЕ ПОВЕРЖЕН

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ПО СВЕЖЕМУ
СЛЕДУ

Александр Тамоников

По свежему следу

«ЭКСМО»

2017

Тамоников А. А.

По свежему следу / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2017

Отступающие под натиском сирийской армии боевики оставили в черте города хорошо замаскированный склад химических боеприпасов. Необходимо срочно найти и ликвидировать смертоносный запас. Удар по предполагаемому району с воздуха не дал результатов. Вся надежда на служебно-розыскных собак из российского отряда МЧС по разминированию. Только эти удивительные животные могут указать точное место, где находится химический склад. Группа кинологов капитана Юрия Пахомова получает приказ: незамедлительно вылететь в Сирию, найти и обезвредить ядовитые боеприпасы. Люди и собаки готовятся к привычной работе и не знают, что в разрушенном городе их уже поджидает нечто совсем неизвестное и крайне опасное...

© Тамоников А. А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Тамоников

По свежему следу

© Тамоников А. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

*Все, изложенное в книге, является плодом авторского
воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

Глава 1

Сирия, город Эль-Нугур, недалеко от Алеппо, ночь на 4 октября, вторник

В полдень температура достигала тридцати трех градусов, а ночью неожиданно пошел мелкий дождь. Этот факт стал приятным сюрпризом для всех, кто находился в небольшом городке. Метеорологи говорили, что дождливых дней в октябре здесь всегда было от силы три-четыре, да и те выпадали ближе к ноябрю. А тут такая прелесть в начале месяца.

Дождь остудил воздух. Термометры сейчас показывали всего восемнадцать градусов. Он прибил пыль, которая в полуразрушенном восточном городе доставала людей не менее знойного солнца. Она была везде: на улицах, в сохранившихся домах, на одежде и телах. Теперь дышать стало немного легче.

Особой свежести дождь не принес. Причина состояла в том, что бетонные плиты, сильно нагретые за день, теперь парили, и было душно. Но все же какое-то облегчение люди испытывали.

Этот дом когда-то был четырехэтажным и вполне жилым. Сейчас он превратился в грудку развалин. Уцелел только подвал. Там за складным столом на брезентовых стульях сидели люди в форме песочного цвета. На столе – керосиновая лампа, карта местности, компактная спутниковая станция, пустая банка из-под консервированных колбасок, служившая пепельницей, пачка сигарет, зажигалка. Одна женщина и трое мужчин.

Старший из них посмотрел на утомленные лица своих подчиненных, взял пачку, выбил из нее сигарету, щелкнул зажигалкой и сказал:

– Кто хочет, курите.

Примеру командира последовал один человек, капитан. Он тоже прикурил.

– У нас есть еще кофе. Я могу сварить, если желаете, – сказала женщина.

Старший мужчина, майор Томас Адамсон, был начальником группы советников, когда-то приданных подразделению вооруженной оппозиции, в итоге ставшему обычной бандой ИГИЛ.

Он взглянул на Софи Келли, двадцатитрехлетнего лейтенанта, инструктора-снайпера, и сказал:

– Это хорошая идея. Кофе нам сейчас нисколько не помешает. Только, пожалуйста, сделай его предельно крепким, Софи.

– Да, сэр. – Женщина поднялась и встала у прибора с двумя конфорками, работавшего на керосине.

В принципе это был тот же керогаз, только усовершенствованный, куда более безопасный.

Майор посмотрел ей вслед и в очередной раз оценил ее пышные, весьма привлекательные формы, особенно очаровательный выпуклый зад.

Он усмехнулся, пустил дым к потолку и обратился к мужчине, сидевшему напротив:

– А у сержанта Фабре неплохой вкус, да, Джеймс?

Заместитель командира группы советников британский капитан Джеймс Бакер скривился и заявил:

– У Софи слишком большая задница. Я предпочитаю худых, таких миниатюрных, чтобы и попка с кулачок, и груди не больше второго размера, но все упругое, как резиновый мяч.

– Ты обожаешь силиконовых кукол? Мы давно служим вместе, но я этого не знал.

– Какие к черту силиконовые куклы, Том? Я говорю о нормальных женщинах.

– Но и Софи не плоха.

– Не спорю.

Лейтенант, разумеется, слышала этот разговор, но сочла за лучшее сделать вид, что он касается не ее. Ей не хотелось отвечать на пошлости озабоченных, уставших от одиночества мужчин.

Делая кофе, она думала об отдельном закутке, загороженном, как и все помещения подвала, брезентовым пологом. Там ее ждал сержант Николя Фабре, сапер-инструктор. Нежный, ласковый, обходительный, иногда до рвоты вежливый, как и все французы.

Но время давно перевалило за полночь, а майор только что собрал офицеров в командном отсеке. Такой вот факт говорил о том, что этой ночью что-то должно произойти. Вопрос в том, что именно. Коснется ли это ее и Николя Фабре? Но ответа на этот вопрос у нее пока не было. Видимо, командир ожидал сеанса связи с Эр-Раккой, с боссом их группы полковником Джоном Деби, а тот по каким-то причинам запаздывал.

– Черт возьми, майор, мы можем устроить себе один хозяйственный день? – воскликнул лейтенант Райан Бреун. – Постираться, помыться, хоть немного привести себя в порядок. А то я уже ощущаю себя нищим на городской свалке, вонючим и вшивым.

Адамсон покачал головой, затянулся сигаретой и сказал:

– Разве я не хочу того же, Райан? Но мы сейчас не в том положении, чтобы позволять себе даже элементарную гигиену.

– Чертовы асадовцы и русские загнали нас в этот подвал. Мы вынуждены прятаться тут как крысы, пугаться любого движения, малейшего шума.

– Не совсем так, – заявил майор. – Да, нам пришлось отступить, но война, она ведь не футбол. Тут ничьей не бывает. Ты побеждаешь либо погибаешь. Если это, конечно, реальная война, а не игрища, управляемые тупыми генералами. Помнишь, как мы прибыли сюда, в Сирию? Нас тогда торжественно встретили, смотрели с восхищением. Мы имели все, что хотели.

– Помню, конечно. Но это было очень давно.

– И двух лет не прошло. Тогда отряды ИГИЛ и вооруженная оппозиция с успехом наступали, сирийская армия находилась на грани развала, населенные пункты защищали ополченцы, местные жители. Казалось, еще немного, и режим Асада рухнет. Мы героями вернемся домой. Но не получилось.

Заместитель командира группы капитан Джеймс Бакер сплюнул на бетонный пол и сказал:

– А все эти проклятые русские. Нам вбили в голову, что Россия разорвана, армия у нее никакая, офицеры бегут на гражданку. Скоро эта страна повторит судьбу Советского Союза. Она тоже развалится на десятки отдельных государств. Европейские и американские нефтяные и газовые компании приберут к рукам все ее природные ископаемые. А что мы имеем сейчас? Русские в Сирии. Они не просто присутствуют здесь, а являются реальной силой. С созданием их базы обстановка резко изменилась. Оказалось, что у русских есть сильная авиация, мощный флот, высокоточные крылатые ракеты, хорошо подготовленные офицеры и спецназ, способный решать любые задачи. Крым без единого выстрела у Украины оттяпали, поддерживают какие-то регионы на востоке этой страны, по сути дела, контролируют их. Они поставляют всему миру превосходное вооружение, проводят постоянные масштабные учения всех родов войск. Головы оторвать надо тем аналитикам, которые работали по России, а ЦРУ разогнать к чертовой матери. Почему мы сейчас сидим в каком-то вонючем подвале? Да потому, что сирийцы с помощью русских взяли и вот так постепенно выдавили нас из Алеппо, считавшегося бастионом вооруженных сил оппозиции. Они заблокировали Эль-Нугур и – чтоб им пусто было! – дали повстанцам уйти из города. Так какого черта мы торчим в этой заднице? Давай выйдем отсюда и сдадимся.

Адамсон прищурился, посмотрел на Бакера и заявил:

– Сдаться, говоришь? А как же контракт?

– Жизнь дороже.

– Формально ты, Джеймс, сейчас не в армии, а в частной военной компании. А что это значит? Да то, что ты наемник, как и все мы.

– И что? Русские нас расстреляют?

– Нет, они передадут нас сирийцам. А те церемониться с нами не будут, обязательно поставят к стенке. Или нас всех достанут еще до суда наши кураторы. Так что, Джеймс, проще сразу застрелиться в этом подвале. Чтобы не мучиться.

Келли принесла кофе.

– Это говорит офицер британской армии! – заявила она и с презрением взглянула на Бакера. – Ты, капитан, дерьмо!

– А ты шлюха!

– Возможно, – проговорила Келли. – Но я не собираюсь сдаваться в плен. Если ты хоть еще один раз заикнешься об этом, то я лично пристрелю тебя. Пусть потом меня судят за убийство предателя и труса.

– Ты за словами-то следи, потаскуха!

Адамсон ударил ладонью по столу.

– Все, прекратить истерику! Ни о какой сдаче речи быть не может. Наши обязательства закреплены в контракте, и мы будем исполнять их. Пейте кофе.

– И сдохнем тут как крысы, – проговорил Бакер, взяв кружку.

– У нас, капитан, два выхода. Это как черное и белое, – продолжил Адамсон. – Мы выполняем условия контракта, сражаемся и побеждаем либо погибаем от рук русских, сирийцев или своих хозяев. Все просто.

– Да уж куда проще, – выдавил из себя Бакер.

Перепалка прекратилась.

Майор посмотрел на брезент, за которым боевики-арабы соорудили топчаны, на которых спали.

«Что-то там подозрительно тихо. Наверное, эти ребята сейчас слушают нас. Нетрудно догадаться, о чем они при этом размышляют, – подумал Адамсон. – Впрочем, там, за ширмой, арабов из Сирии, Ирака, Афганистана, Ливии осталось совсем мало, всего восемь человек. С ними трое французов. Никто не спит. Таков был мой приказ. Хотя нет. За брезентом теперь шесть арабов. Двое стоят на посту охранения в уцелевшей квартире, откуда спускается лестница в этот подвал».

Майор выпил кофе, вновь закурил.

Другие не стали.

Из-за брезента вдруг потянуло сладковатым запахом марихуаны.

Майор повел носом.

– А это еще что за дым? Кто-то курит коноплю? – Он повернулся к Бреуну. – Лейтенант, проверь! Доставь сюда этих негодяев!

– Да, сэр. – Бреун вышел в отсек отдыха.

Тут спутниковая станция издала сигнал вызова.

Адамсон схватил трубку:

– Мавр на связи!

Абонент усмехнулся и заявил:

– По-вашему, майор, я не знаю, кого вызываю?

Это был полковник Деби.

Спутниковая станция позволяла говорить открытым текстом. Ни перехватить переговоры, ни запеленговать станцию было невозможно. Средства радиоэлектронной борьбы у

русских, разумеется, имелись, причем очень неплохие, но стояли они в Хмеймиме и данную зону не захватывали.

– Я ответил как положено!

– Хвалю. Доложи обстановку.

– Хреновая обстановка, полковник. Наша группа, насчитывающая пятнадцать человек, из них семь советников, находится в подвале разбитого дома, в самом центре Эль-Нугура. Мы окружены асадовцами и русскими.

– Много в Нугуре русских?

– Я видел несколько человек, когда мы отходили сюда. Они вместе с сирийцами начали блокирование населенного пункта с запада.

– Как ты определил, что это русские?

– Они говорили на русском языке. Форма у них российская. Оружие тоже.

– Российские автоматы есть и у вас. Ладно, я понял. Охранение выставил?

– Само собой!

– Что сообщают дозорные?

– Вокруг все относительно спокойно. Пока противник не зачищает территорию. Возможно, из-за того, что с вечера у нас идет дождь.

– Дождь?..

– В этом есть что-то странное, полковник?

Тот вздохнул и проговорил:

– Дождь, это хорошо. У нас в Ракке невыносимо жарко.

– Я бы предпочел жару в Эр-Ракке прохладу в Эль-Нугуре.

– Не сомневаюсь. Еще вопрос. Мирных жителей в городе много?

– Нет. Есть, но совсем мало. Они стараются не высовываться из развалин и сохранившихся домов. По крайней мере, здесь, в центре города.

– Ясно. Теперь слушай задачу.

– Да, полковник?!

– Вам надо попытаться вырваться из Эль-Нугура.

– Вы предлагаете прорыв?

– Я не предлагаю, а приказываю, майор! Ты должен оперативно сформировать разведывательно-штурмовую группу в составе пяти человек, в том числе двух советников, один из которых будет командиром. Задача разведывательно-штурмовой группы: в темное время суток пройти до выхода из города в сторону Идлиба. По данным наших друзей-повстанцев, правительственные войска не имели возможности полностью окружить город. В кольце блокады имеются прорехи. Группе необходимо найти такое место, пройти через посты и с безопасного рубежа передать тебе информацию о маршруте. По этому пути ты, майор, выведешь из Эль-Нугура остальных своих людей. Потом вы направитесь к Идлибу.

Адамсон покачал головой и спросил:

– А организовать наступление оппозиционных сил от Идлиба на Эль-Нугур нельзя? Или хотя бы имитировать его? В этих условиях мы имели бы гораздо больше шансов вырваться из западни.

– Заметь, из западни, в которую ты попал сам, – заявил полковник. – Какого черта было заходить в город?

– Но люди были на пределе. Они просто не могли передвигаться.

– Конечно, я понимаю, вам нужен был отдых. Пока вы расслаблялись, вас окружили. Хорошо, что не обнаружили до сих пор. Теперь насчет наступления или его имитации. А может, майор, не стоит мелочиться? Не обратиться ли мне к руководству военной базы США? Я ведь могу попросить их выслать самолеты, разнести в клочья окраины Эль-Нугур и освободить вам дорогу на Идлиб. Разве нет? Кстати, зачем вам идти пешком? Почему бы не

заказать и вертолет, который забрал бы вас после бомбардировки непосредственно из дома, в подвале которого вы отдыхаете?

– Мне не до шуток, полковник.

– Мне тем более. Приказ понятен?

– Так точно!

– Вопросы есть?

– Есть!

– Слушаю!

– Вопрос первый. Что мне делать, если разведывательная группа будет обнаружена и, как следствие, уничтожена противником?

– Давай сразу все вопросы, майор.

– Вопрос второй. Что делать, если разведгруппа благополучно пройдет, а основная напорется на асадовцев или, что еще хуже, на русских?

– Это все?

– Пока да.

– Отвечаю. Если разведгруппа погибнет, то основной оставаться на месте. Ты сообщишь мне о судьбе разведчиков и будешь ожидать дополнительных распоряжений. На второй вопрос отвечать нет смысла. Тут ты все знаешь сам, майор.

– Значит, бой до последнего патрона?

– До последней капли крови, как говорится в присяге. Никто из советников живым к сирийцам и русским попасть не должен. Это приказ! Плен, независимо от того, добровольно ли сдался советник или был взят раненым, приравнивается к предательству. Со всеми вытекающими последствиями. Тебе рассказать, что предпримет любое государство в отношении наемников, которые в нарушение всех законов воюют на его территории?

– Но мы же сотрудники частной американской военной компании.

– Не совсем так. Сама компания зарегистрирована в Штатах, а вот филиалы ее разбросаны по всему миру. Наш, к примеру, расположен на Гаити. Из плена в Сирии Вашингтон вас вытащит. На это есть договоренность с режимом Асада. Но в США тем, кто попал в плен и опозорил страну, ничего хорошего ждать не придется. Однако не будем о грустном. Ты и сам все прекрасно понимаешь.

– Если бы понимал, то не задавал бы вопросы. Хотя теперь мне действительно все ясно.

Полковник Деби усмехнулся и сменил тон:

– Вот и хорошо, майор. Выход разведывательно-штурмовой группы в два двадцать. До рассвета, то есть максимум до пяти тридцати, отряд должен выйти из Эль-Нугура. Не получится, связь со мной в любое время. Она же обязательна и при благополучном исходе акции. Все, удачи, майор!

– Благодарю. До связи! – Адамсон отключил станцию.

Вернулся Бреун. Он привел с собой афганца Вамида Абади и сирийца Азиза Белучи.

– Вот, командир, кто курил марихуану. Эти герои забились в угол и по очереди потягивали самокрутку, набитую коноплей, – доложил лейтенант.

– К черту этих идиотов! Пусть проваливаются.

– Зачем же я ходил за ними? – спросил Бреун.

– Только что поступила вводная от полковника Деби.

Офицеры уставились на майора. Тот подробно изложил им суть переговоров, довел приказ, переданный из Эр-Ракки.

– Вот так. Это как раз ответ тем, кто согревает душу мыслью о том, что может сохранить шкуру, сдавшись сирийцам, – заявил майор, оглядел подчиненных и спросил: – Добровольцы пойти в разведку есть?

Офицеры промолчали.

– Я бы сам пошел, – сказал Адамсон. – Но мне нельзя. А ведь это отличный шанс выйти из блокады. Сейчас, ночью, в дождь, малой группой пройти через город не составит труда. На окраине можно будет осмотреться, определить посты асадовцев и проскочить между ними. Обстановка для этого самая подходящая. Вряд ли противник будет торчать на открытой местности. Видимость плохая. Так, значит, добровольцев нет?

Вновь последовало гробовое молчание.

– Ладно. – Адамсон пододвинул к себе карту, посмотрел на офицеров. – Тогда я сам назначу людей. Старшим группы пойдет лейтенант Райан Бреун.

Американец хмыкнул и ответил:

– Есть, сэр!

Адамсон продолжил:

– Заместителем будет сержант Лаурье. Кого из арабов взять с собой, решит Бреун. Оружие штатное, винтовки, автоматы, пистолеты, гранаты. С полным составом группы ты, Райан, определишься позже. Сейчас прикинем, каким маршрутом безопаснее будет выйти из города.

Минут пять все изучали карту. Офицеры решили, что идти следует по центральной улице, изобилующей завалами и только в двух местах имеющей относительно чистые участки между уцелевшими домами.

После этого Адамсон отодвинул карту, взглянул на лейтенанта и спросил:

– Мне следует инструктировать тебя, Райан, насчет того, что делать при обнаружении группы противником.

– Не надо, – ответил Бреун. – В случае обнаружения – отход, при огневом контакте – бой.

– Ты не сказал, что никто не должен попасть в руки асадовцев, пусть даже раненым. Отход, если получится, осуществлять не сюда, а в глубину города. В нем много мест, где можно укрыться. Оттуда связаться со мной, я определю порядок дальнейших действий.

– Ясно, – ответил Бреун.

– Постарайся, Райан, пройти город и выбраться к холмам. Сразу доклад мне. Основная группа будет готова проследовать вашим маршрутом.

– Да, сэр!

– Зачем так официально?

– Положено.

– Готовь разведывательно-штурмовую группу. – Майор посмотрел на часы. – Выход в два двадцать. Вопросы есть?

– Нет!

– Выполняй! – Адамсон повернулся к Бакеру: – Джеймс, поднимись к дозорным и с их позиции проследи за началом выдвижения группы Бреуна.

– Менять дозорных не будем?

– Позже, в шесть часов, если до этого не уйдем отсюда. Кстати, кто сейчас в дозоре?

– Юнус Дарби и Гафур Фадел.

– Дарби – это выходец из Ирака?

– Да, опытный боец, прибыл к нам из Мосула.

– Тем более не стоит его менять. Да и кем? Двое обкуренных, один молодой.

– Я понял, посмотрю, – сказал капитан и поднялся по лестнице в помещение первого этажа, где находился дежурный пост.

Бреун поднял всю банду, подавал обрывистые команды.

Келли собрала со стола кружки и проговорила:

– Спасибо, майор, что не послали в разведку Николая.

Адамсон усмехнулся и сказал:

– Не за что, Софи. Никто не знает, кому больше повезет: нам, оставшимся здесь, или разведгруппе. Они через час могут оказаться на свободе, а мы так и будем сидеть в этом подвале.

– Но может произойти и другое, не так ли?

– Да, конечно, все может быть. Я до сих пор не понимаю, Софи, за каким чертом ты, молодая, симпатичная женщина, которая могла спокойно жить в Штатах, влезла в это дерьмо.

– Хочу напомнить, майор, что я офицер армии США.

– Формально ты уволена и зачислена в штат частной военной компании.

– А мне все равно было.

– Позволь поинтересоваться, почему так?

– Обычная история, майор. У меня был парень капитан. Мы служили в одной части, жили вместе два года. Я даже возила его к своим родителям, представила как жениха. Прошлым летом все шло к свадьбе. Потом оказалось, что у него была семья в Калифорнии.

– Капитан не взял ее с собой и прикинулся холостым?

– Нет, говорил, что женат, у него дочь, но он не желает больше жить с семьей и добивается развода. Как только получит его, женится на мне. Я поверила.

– И что в итоге, Софи? У нас не так много времени.

– А в итоге он заявил, что возвращается в семью. Я тогда была беременна, хорошо, что только первый месяц. Сделала аборт. Потом объявились ребята из военной разведки, стали набирать офицеров, желающих повоевать в Сирии, вернее, готовить бойцов оппозиционных сил. Я согласилась.

– Напрасно.

– Я же говорила, что мне было тогда все равно.

– Ну а с сержантом Фабре у вас серьезно или так, временно?

– Серьезно. Если выберемся из этой дыры, то по окончании контракта уедем к нему во Францию. У него небольшой дом где-то в провинции, виноградники, оставшиеся от родителей.

– И заживете счастливой спокойной жизнью, так, Софи?

– Почему нет?

– Сомневаюсь, что ты любишь Фабре.

– Главное, что он любит меня, а я уже почти привыкла к нему. К тому же мы идеально подходим друг другу в сексе.

Адамсон усмехнулся и заявил:

– Это самое главное в семейных отношениях.

– Да, – серьезно ответила Келли. – Никакая любовь не удержит мужчину и женщину вместе, если у них не будет гармонии в интимных отношениях.

– Наверное, ты права. Что же, желаю удачи!

– Спасибо, майор.

Вошел лейтенант Бреун и доложил:

– Майор, разведывательная группа построена.

Адамсон поднялся, сдернул с крючка грязную легкую куртку.

– Идем, посмотрим, кого ты выбрал.

Правофланговым в шеренге стоял французский сержант Стефан Лаурье, которому предстояло исполнять должность заместителя командира группы, далее сирийцы Давуд Наги, Карим Игбал и ливиец Язид Фарес. У лейтенанта и сержанта штурмовые вин-

товки «М-16», наступательные гранаты «М-67», пятнадцатизарядные «беретты». У Луарье «кольт», десантные ножи. У арабов «АКС-74», разгрузочные жилеты с тремя запасными магазинами, пистолеты «ПМ», гранаты «РГД-5».

Арабы предпочитали российское вооружение и правильно делали. «АК» куда более надежен и неприхотлив, чем штурмовая винтовка «М-16», не требует особого ухода. Его можно утопить, потом извлечь из воды, и он будет стрелять как ни в чем не бывало. Да и пистолеты Макарова отказывают реже, чем хваленые «беретты» и «кольты».

Майор тоже использовал бы это оружие, но положение не позволяло. Все же американский инструктор-профессионал должен воевать с оружием своей страны, в крайнем случае с натовским.

Майор прошел вдоль небольшого строя.

Внешний вид арабов был не ахти, но других людей в подчинении у него не было.

Адамсон повернулся к Бреуну и спросил:

– Радиостанция?..

Лейтенант указал на чехол на груди.

– Проверил?

– Так точно! Заменяю аккумулятор.

– Как отойдете немного, вызови меня. Проверим связь.

– Да, сэр!

– Проинструктировал группу?

– В общих чертах. Предупредил, что плен для них обернется смертью.

– И что?

– А ничего. Арабы же фанатики, майор. Для них смерть – переход в другую, счастливую жизнь. Главное, умереть воином, с оружием в руках, воюя против неверных. А там, в новой жизни, о них побеспокоится Всевышний. Так что они восприняли предупреждение спокойно, я бы сказал, даже с некоторым пренебрежением.

– Ну и ладно. Француз?..

– Вроде в порядке. В деле посмотрим.

– Сейчас два двадцать. Выходите. Наверху капитан Бакер. Он проводит вас. Не забудь связаться со мной в ближайшие минуты.

– Не забуду, сэр.

Группа сирийского спецназа под командованием капитана Кабира Тайфура получила задачу на блокирование центральной улицы Эль-Нугура. В 0.20 она начала выдвижение к центру города. При ней состояли три российских военных советника – капитан Алим Валиев, старшие лейтенанты Михаил Герасин и Андрей Стуров.

У сирийского капитана не было никакой информации о том, что представляла собой эта улица после длительных боев. Он располагал лишь картой, изданной в довоенный период.

Капитан Тайфур свободно, как и все бойцы сирийского спецназа, говорил на русском языке. Войдя в первые кварталы, разделяемые центральной улицей города, он подозвал к себе капитана Валиева.

– Что, Кабир? – спросил тот.

– Ты ведь у нас советник, да?

Российский капитан улыбнулся и ответил:

– Считаю, что так.

– Тогда давай посоветуемся, как будем выходить в заданный квадрат.

– Перед нами главная улица? Я правильно понимаю?

– Мы на ней. В ее начале, если смотреть от Алеппо.

– Впереди развалины, – проговорил Валиев.

– Заметно, да? – Тайфур горько усмехнулся.

– По-моему, мы взяли не тот тон. Задача боевая. Подходить к ней надо соответствующим образом. Предлагаю элементарную вещь. Надо выслать вперед дозор из трех человек, остальным бойцам следовать за ним, соблюдая дистанцию взаимной видимости. Где у нас заданный квадрат?

Капитан Тайфур достал из планшета карту, развернул ее на земле, подсветил фонариком.

– Вот здесь. – Он указал на овал, нарисованный красным карандашом.

– Судя по масштабу карты, до него не более километра, – сказал Валиев. – Но кругом развалины. По ним до рубежа мы дойдем минут за сорок. Не знаю, будет ли пригоден тот район для обустройства позиций, с которых возможен полный контроль всей улицы, еще пары домов, примыкающих к ней, или их остатков. Американцы поняли, что мы и без их участия займем город, и провели по нему ковровую бомбардировку. Результаты налицо. Не город, а груда развалин. Они бомбили Эль-Нугур еще до прохода через него боевиков, которым было предоставлено такое право. Хорошо, что основная часть населения к этому моменту уже покинула его. Но отдельные дома кое-где сохранились.

– В частном секторе.

– Не только. – Российский капитан посмотрел в ночной бинокль и сказал: – Примерно в километре отсюда вижу несколько таких домов. Они стоят справа и слева от улицы.

Тайфур тоже достал бинокль, посмотрел в него и спросил:

– Почему ты говоришь «примерно», если оптика показывает точное расстояние до этих домов?

– До первого дома, Кабир. Это одна тысяча восемьдесят метров. Дальше есть другие постройки. Расстояние до них оптика не фиксирует. Два-три дома подряд, это где-то триста метров. В общем, нам надо туда. Если дома уцелели, значит, и завалов там нет или же они незначительные. Назначай и высылай передовой дозор.

Тайфур кивнул, спрятал оптику, сложил карту, засунул ее под облегченную куртку и отдал команду:

– Сержант Пирани, рядовые Карими и Саади, ко мне!

Бойцы находились в пяти метрах от него, подошли тут же.

– Да, капитан?! – сказал сержант Тураб Пирани.

– Вы назначаетесь в передовой дозор.

– Ясно.

– Идете выступом, впереди ты, рядовые по флангам, метрах в десяти за тобой. Пройти следует одну тысячу восемьдесят метров. Завершение марша на открытой части улицы с сохранившимися домами. Мы будем следовать за вами на удалении взаимной видимости. Связь, Тураб, надо поддерживать постоянно. Идти аккуратно, соблюдая все меры предосторожности. Помни: в городе остались не только мирные жители, но и игиловцы. Они действуют разрозненными, но опасными группами. При обнаружении боевиков залечь, зафиксировать их местоположение. В случае прямого столкновения вступить в бой! Вопросы есть?

– Дождь усиливается. Надо же было ему пойти в начале месяца! Это осложнит переход.

– Но дождь мешает всем. В том числе и боевикам.

– Если они есть в городе.

– Это вопрос не ко мне, а к комбату майору Дахару. Хочешь поговорить с ним?

– Нет, капитан, благодарю. Задача ясна. Выдвигаемся. – Он повернулся к рядовым и распорядился: – Я впереди. Ислах, ты выходишь на левый фланг. Тахир – на правый. Дистанция между нами десять метров, интервал – насколько позволяют развалины. Готовы?

Солдаты проверили оружие, поправили накидки, сбросили капюшоны.

– Готовы!

– Тогда пошли!

Передовой дозор двинулся вперед. За ним следовали основные силы группы. Люди старались перемещаться не колонной, а в линию. Вот только выдерживалась она плохо. Иногда бойцам приходилось идти двумя, а то и тремя шеренгами. Они продвигались вперед медленно, но уверенно. Черные остовы зданий молчали, погруженные во мрак ночи.

Спустя десять минут ожила рация капитана Тайфура.

– Третий вызывает Латара, – проговорил сержант Пирани.

– На связи, – ответил командир группы.

– Прошли сто пятьдесят метров, чисто.

– Продолжайте движение.

– Есть!

Дозор и основные силы преодолевали завалы и воронки. Дождь затруднял движение, пыль превратилась в грязь, видимость ухудшилась. Но все это имело и другую, положительную сторону. Бойцы, продвигающиеся по центральной улице, были практически незаметны с расстояния свыше ста метров. Риск обнаружения их разрозненными отрядами игольцов значительно уменьшался.

В 1.20 старший дозора сержант Пирани вышел на связь в четвертый раз.

– Латар, ответь Третьему.

– Да, Третий.

– Вышли к относительно свободному участку улицы. Перед ним завалы от обрушения торцов двух четырехэтажных зданий. Далее по два дома с каждой стороны внешне целые. Обрушение создает преграду метров в десять, по пять слева и справа. Есть кучи разбитого бетона, кирпича, небольшие ямы, но место вполне пригодно для обустройства позиций. По крайней мере, на улице. У меня вопрос. Два ближайших дома посмотреть?

– Нет! Укройте, наблюдайте за улицей и домами. Мы подойдем, осмотрим здания всей группой, – ответил капитан Тайфур.

– Понял вас. Укрываемся, наблюдаем!

– Отбой! – Тайфур перевел радиостанцию в режим приема, повернулся к Валиеву и проговорил: – Дозор вышел в заданный район. Не знаю, случайно или нет, но комбат при постановке задачи довольно точно угадал район, который можно перекрыть.

– Случайность. У него не было информации по состоянию не только этой улицы, но и всего города.

– Пусть так. Выходим к дозору.

В 1.30 группа собралась перед завалами у домов.

Тайфур осмотрел улицу и проговорил:

– Да, место подходящее. Надо проверить здания. Делим группу на две части. – Он повысил голос, чтобы его слышали все, включая российских советников. – В первую войдут я и сержант Магди. – Капитан взглянул на Валиева и спросил: – Кого выделишь ты, Алим?

– Старшего лейтенанта Герасина.

– Значит, я, Магди и Герасин осматриваем левый дом. Лейтенант Мобуд, ты, Алим, и твой офицер смотрите правый дом. Дозор остается на месте. С ним сапер Омар. Его использовать по вызову, если здания окажутся заминированы.

– Сканирование показывает отсутствие взрывных устройств. Так что я тоже могу пойти с одной из подгрупп, – заявил Омар.

– Не надо, оставайся здесь, – распорядился Тайфур и приказал: – Подгруппам начать осмотр зданий и выбор позиций для контроля над улицей и внутренними дворами. Сбор здесь в два десятка.

– Сорок минут на обследование двух домов, в каждом из которых по три подъезда, в ночных условиях. Не маловато ли будет? – проговорил Валиев.

– Планировка домов такова, что на каждой площадке всего по две квартиры. Для перехода из одного подъезда в другой необязательно покидать дом. Можно без проблем пройти по балконам.

– Ясно, вопросов нет. Лейтенант Мобуд, старший лейтенант Стуров, за мной!

Подгруппы прошли в здания. Дозор вместе с сапером контролировали улицу. Дождь слегка ослаб, и свободный участок длиной в семьдесят метров просматривался хорошо.

Валиев осмотрел одну квартиру на первом этаже и вызвал Тайфура:

– Латар, я Бархан.

Сирийский капитан ответил:

– На связи!

– Принимаю решение послать в подъезды по одному бойцу. Скопом ходить – только время терять.

– Согласен. Я сделаю то же самое.

Валиев остался в крайнем подъезде, в средний отправил Акифа Мобуда, в третий – Стурова. Это сократило работу в здании до двадцати минут. В 1.50 группа вновь была в сборе.

В обоих домах не было ни единого человека. Какие-то квартиры со старой мебелью, другие совершенно пусты. Окон нет, дверей тоже.

– Предлагаю рассредоточить подгруппы контроля в квартирах второго этажа среднего подъезда. Это уменьшит количество слепых зон. В каждом доме держать по четыре бойца, двух оставить в развалинах напротив открытого участка, там же установить пулемет «ПК». Одному из четверых в подгруппах осуществлять наблюдение за дворами. Таким вот образом мы блокируем центральную улицу и войдем в сопряжение с другими группами, которые займут позиции левее и правее нас, – проговорил Валиев.

Тайфур кивнул и сказал:

– Да, так и сделаем. В случае появления крупных сил противника, которые теоретически могут находиться в Эль-Нугуре, мы пропускаем их и сообщаем об этом командиру батальона. Он встретит игиловцев. Мелкие же группы уничтожаем самостоятельно.

– По команде или по обстановке? – спросил лейтенант Мобуд.

– По моей команде.

– Ясно.

– Теперь определимся с боевыми расчетами. В левом крайнем доме под моим командованием займут позиции старший лейтенант Герасин, сержант Пирани и Зафир Омар. В правом здании под командованием капитана Валиева – лейтенант Мобуд, сержант Магди и рядовой Карими. На улице останутся старший лейтенант Стуров и рядовой Саади. Последний берет пулемет «ПК» с двумя коробками патронных лент. Связь поддерживаем по необходимости. В случае моей гибели или невозможности исполнять обязанности командование группой переходит к капитану Валиеву. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было.

Группа рассредоточилась согласно боевому расчету и приступила к наблюдению ровно в 2.00, во вторник, 4 октября.

Продолжалась ночь, не прекращался дождь.

Из соседнего двора показалась стая голодных, худых, грязных собак. Псы перебежали дорогу и скрылись среди развалин. Таким зверюгам попадаться не стоит. Сейчас эти твари, обезумевшие от голода, набрасываются и на вооруженных людей. Выстрелы их не остановят. Они будут гибнуть, но рвать жертву в клочья.

Однако на сей раз стая ушла.

Капитан Тайфур доложил о занятии позиций командиру батальона майору Раифу Дахару, постоянно вызывал на связь то Валиева, то Стурова. Обстановка оставалась спокойной. Надолго ли?

Разведгруппа вышла из подвала в 2.20. Капитан Бакер, дежуривший на посту охранения, сообщил лейтенанту Бреуну, что в округе все тихо. После этого тот вывел своих людей в развалины, на улицу, проходимую только посредине. Они дошли по первого перекрестка.

У завала углового дома Бреун остановил разведывательную группу, достал радиостанцию малого радиуса действия, включил ее.

– Мавр, ответь Эльфу!

– Мавр отвечает, – донесся из наушника слегка измененный голос майора Адамсона.

– Проверка связи!

– Понял. Связь устойчивая. Где вы, что у вас?

– Мы прошли квартал, сейчас находимся за пересечением дорог, под прикрытием завалов. Они тянутся по всей улице, насколько я вижу.

– Обстановка?..

– Пока спокойная. Никого не видно.

– Хорошо. Вышли вперед дозор.

– Я знаю свою работу, сэр!

– Не сомневаюсь. Удачи!

– До связи! – Бреун перевел станцию в режим ожидания, вложил ее в чехол на груди, наушник снимать не стал, посмотрел на подчиненных. – Язид Фарес!

– Я, – ответил ливиец.

– Пойдешь в передовом дозоре.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

– За ним Давуд Наги справа и Карим Игбал слева. В замыкании я с сержантом Лаурье. Задача дозора обычная. Дистанция между Фаресом и Наги с Игбалом определяется расстоянием взаимной видимости. Думаю, это метров двадцать, не больше. Мы с французским сержантом пойдем на том же расстоянии. Перемещаемся аккуратно. Проходим два квартала, останавливаемся и оцениваем обстановку. Далее по моей команде. Фарес, вперед!

Ливийский боевик передернул затвор автомата, сбросил капюшон, перелез через длинный и широкий бетонный блок. Он оказался на площадке, покрытой битым кирпичом, и двинулся вперед, бросая взгляды перед собой и по сторонам. За ним пошли Наги и Игбал. Разойтись в стороны им не удалось. Завалы перегородили улицы. Перемещаться по ним можно было с немалым трудом и только вместе.

Бреун отпустил сирийцев на двадцать с лишним метров и сказал Лаурье:

– Вперед, сержант! Движемся вместе.

Француз усмехнулся и заявил:

– Какая разница, вместе или порознь? Асадовцы наверняка успели все закольцевать, занять позиции в развалинах и в домах. Налетим на пост и всем крышка. Причем очень быстро, в течение одной-двух минут. Если, конечно, они не захотят взять нас живыми.

– Нам попадать в плен нельзя.

– Да глупости все это, лейтенант. Мало ли что говорил майор. Если группу возьмут асадовцы, то арабов они, скорее всего, действительно поставят к стенке. Но нас, Райан, они передадут русским. А с теми договориться можно.

– Договориться? – Лейтенант Бреун посмотрел на сержанта. – Это как? Сдать наших из основной группы?

– Нет, ни в коем случае. Наши хозяева не простят нам этого.

– Чем же ты заинтересуешь русских? Собственной персоной?

– Тебе не хуже меня известно, что соседняя улица плотно заминирована. В одном из тамошних подвалов повстанцы Ибрагима устроили солидный склад с вооружением и боеприпасами, которые поставлялись в Алеппо. Там и сейчас полно обычных и реактивных снарядов, мин, выстрелов к гранатометам, различного вооружения. Есть даже контейнеры с хлором и заринном. Ибрагим сбежал. Он не имел возможности забрать боеприпасы, подвал наверняка тоже заминировал, но эту проблему будут решать асадовцы и русские.

– Ты думаешь, они ничего не знают об арсенале?

– Если бы знали, то там уже работали бы их саперы. По крайней мере, улица была бы наглухо заблокирована.

– Игиловцы, отступая, минировали все подряд. Не исключено, что и мы встретим сюрпризы.

– Здесь вряд ли, – проговорил француз. – Отряды ИГИЛ отходили как раз по этой улице. Поэтому посредине можно перемещаться без особой опаски.

– Посмотрим.

Разведгруппа прошла еще два квартала. Потом Фарес, как ему и было приказано, выбрал место для остановки между завалами, перед входом в магазинчик, который находился на первом этаже наполовину разрушенного дома. К нему подошли остальные и присели на корточки. Лаурье умудрился вытащить из груды мусора табурет и устроился на нем.

– Мавр, я Эльф! – проговорил Бреун в микрофон.

– Слушаю! – тут же ответил Адамсон.

– Время два часа сорок минут, прошел еще два квартала, сделал привал. Обстановка прежняя.

– Ничего и никого?

– Так точно!

– Странно. Асадовцы не заблокировали центральную улицу?

– Может, именно потому, что она центральная. Ведь выход мелких групп больше осуществляется по подворотням да через развалины.

– Не расслабляйся. Что видишь впереди?

– Сперва продолжают завалы, дальше чистый участок с сохранившимися домами. Я через оптику заметил два таких. За ними окраина.

– Самые опасные места.

– Здесь везде можно ожидать обстрела. Но похоже на то, что асадовцам пока не удалось закольцевать город. Непогода могла им помешать.

– Но посты на окраине они обязательно должны были выставить.

– Согласен. Посмотрим.

– Следующий сеанс связи после прохождения первого чистого участка улицы.

– Да, если мы сумеем пройти его.

– У меня все. До связи!

– До связи!

Боевики отдохали недолго.

Через несколько минут лейтенант Бреун распорядился:

– Построение прежнее. Проходим до открытого участка, ориентиры – сохранившиеся четырехэтажные дома. Остановка перед этим участком. Дозорному определить рубеж для рассредоточения групп и наблюдения.

Ливиец кивнул.

– Понял!

– Пошли! – скомандовал американский лейтенант.

Вновь впереди шагал Фарес, за ним держались Наги с Игбалом, в замыкании – Бреун и Лаурье.

Когда сирийцы отошли метров на двадцать пять, француз взглянул на Бреуна и проговорил:

– Наблюдение за открытым участком нам ничего не даст. Сирийцы, конечно, еще те вояки, но элементарные понятия о тактике боевых действий в городе они имеют. Поэтому не станут устанавливать позиции на улице. Асадовцы спрячутся в домах и оттуда спокойно будут контролировать всю территорию, прилегающую к ним, включая и тылы. Если, конечно, они вышли в этот район.

– Что предлагаешь? – спросил Бреун. – Провести разведку домов?

– Да. У нас есть два сирийца. Им хорошо знакома планировка таких зданий. Пусть посмотрят. Это не займет много времени и даст хоть какую-то гарантию безопасности при преодолении открытого участка.

– Я думал об этом.

– И что решил?

– То же, что и ты предложил. Мы мыслим одинаково, Стефан.

– Так и положено нам, настоящим профессионалам.

– Согласен. – Лаурье опустил ствол штурмовой винтовки. – Слушай, Райан, как считаешь, у Софи с Фабре серьезный роман?

– А черт их знает. Насколько мне известно, Софи кинул жених, в которого она была влюблена. Это и стало причиной ее вербовки сюда, в Сирию. Баба она молодая, ей мужик нужен. Тут и подвернулся ваш Фабре. По-моему, они идеально подходят друг другу. Я слышал как-то их стоны во время спаривания. Это было еще в Алеппо. Случайно, естественно. А почему тебя интересует такой момент?

– Да просто спросил. Думаю, они разбегутся, если нам удастся выйти из чертова окружения и попасть в Идлиб. Не верю я в прочность таких военно-полевых романов. Сам жил с женщинами, служившими в одной части со мной. Тоже обещал жениться, в ответ получал полное согласие, любовь и исполнение разнообразных прихотей сексуального характера. А потом увлечение уходило. Сейчас я тоже не отказался бы от женщины, наобещал бы ей золотые горы, лишь бы оказаться рядом. В критических ситуациях, подобных той, в которой оказалась наша группа, чувства обострены до предела. Чем выше риск оказаться на том свете, тем сильнее желание. Но Софи не разлучишь с Фабре.

Бреун посмотрел на французa и сказал:

– Странное у тебя восприятие реальности. Насчет риска и желания.

– А ты не хочешь бабу?

– Сейчас я хочу только одного – выйти из этого дерьмового Эль-Нугура, в Идлибе разорвать к чертовой матери контракт и свалить в Штаты.

– Много денег потеряешь. Да еще и штрафные санкции влепят.

– Я не первый год на войне. Был в Афганистане, в Ираке, немного в Ливии, кое-какие сбережения сделал. А санкции?.. Лишат отплаты за работу в Сирии, ну и пусть идут они в задницу!

– Это ты сейчас так говоришь. Попадём в Идлиб, изменишь решение.

– Возможно. Но больше воевать со всяким местным сбродом не буду. Если только на нашей базе, среди своих. Тупость местных главарей уже вот здесь сидит. – Он провел ладонью по горлу. – Да еще наращивание сил Россией и Ираном. Это, Стефан, плохо кончится.

– Что, коалиция во главе с США не сможет остановить русских и персов?

– А кто в этой коалиции? Это ведь только на бумаге под семьдесят стран, а реально? Штаты, Франция, Англия, да и те представлены от силы бригадами и авиационными эскадрильями.

– У русских и этого нет.

– Уверен? А кто, по-твоему, Пальмиру дважды освобождал? Сирийцы? Те как остались без русских, сразу же и сдали ее обратно ИГИЛ. Или Алеппо зачистил сирийский спецназ? Годами не могли сунуться в восточную часть, а тут вдруг начали ежедневно брать по кварталу. Сейчас в городе три-четыре русских батальона, один из Чечни, как я слышал. В Пальмире. В Хмеймиме. Да и тут при сирийцах есть русские советники. Они тихо, неприметно, но организованно переправляют в Сирию роту за ротой, батальон за батальоном, а наша разведка ушами хлопает. Обрадовались, когда Россия отправила домой часть самолетов. Ага, часть вывела, другие прислала, количество вертолетов увеличила. Да им и не требуется держать в Хмеймиме даже авиаполк. Они могут применять дальние бомбардировщики со своей территории, а теперь еще и с аэродромов Ирана. Скоро, мать их, договорятся, будут с наших баз в Турции летать. Истребителей для прикрытия у них хватает. А еще морская авиация и эти чертовы «Калибры». Наша разведка опять опростоволосилась. Мол, «Калибры» поражают цели в радиусе пятисот километров, а они ударили на две с лишним тысячи. Нет, Стефан, что ни говори, а русские все нам испортили. Они добьются своего.

– Чего своего?

– Это только они сами знают. Но ладно. Хорош болтать. Фарес подал сигнал на остановку. Выходим к первому открытому участку.

Глава 2

Москва, 5 октября, среда

С утра в служебной квартире капитана Пахомова царил сует. Светлана металась по кухне, готовила завтрак для всех. Семилетняя Ольга еще валялась в постели. Глава семьи побрился и встал под контрастный душ.

Светлана заглянула в ванную:

– Юра, ты можешь побыстрее? Ольгу поднимать надо. Уже половина восьмого.

– Иду.

Капитан наконец-то закончил утренний моцион и вышел из ванной. Туда тут же заскочила Светлана.

Пахомов подошел к дивану, на котором валялась дочь.

– Оленька, подъем.

Девчушка сонно ответила:

– Ну что за слово «подъем»? Не хочу.

– Так, прекратить! Не хочет она. Быстро встала, умылась, оделась и пошла завтракать.

– В ванной мама.

– Пока ты встанешь, она выйдет. Учти: два раза повторять не стану. Не поднимешься, никакого похода в зоопарк в воскресенье не будет.

Эта перспектива дочку не устраивала. Она поднялась и села, вся растрепанная, еще до конца не проснувшись.

– Давай-давай!.. В школу опоздаем!

Светлана как раз вышла из ванной, и Пахомов сопроводил туда дочь.

Жена присела на пуфик перед зеркалом и принялась пудрить носик, как говорил капитан, пока Оля умывалась.

– Сколько времени? – спросила Светлана, занимаясь своим делом.

Пахомов посмотрел на часы и ответил:

– Семь сорок пять.

– Так, Юра, я успею причесать Олю. Потом позавтракаем и побегу. У нас сегодня в девять часов совещание. В школу дочь отвезешь ты.

Капитан не имел ничего против. На сегодня полковник Серданов объявил своим людям выходной, так как в предыдущие субботу и воскресенье они участвовали в показательных мероприятиях, организованных мэрией города. Делать Юрию было нечего. Если, конечно, жена не воспользуется моментом и не нагрузит его разными поручениями.

Потом семья завтракала.

Светлана торопилась, не доела бутерброд, опустошила чашку кофе, поднялась.

– Все, я побежала. – Она поцеловала дочь. – Будь умницей и не выходи из школы, пока папа не придет.

Жена подошла к мужу, и в это время ожил его служебный сотовый телефон.

– Что еще за дела? – удивился Пахомов. – Подожди, Света.

– Серданов звонит?

– По этому аппарату больше и некому, разве дежурному. – Он включил телефон: – Пахомов.

Светлана угадала, звонил командир специального отряда МЧС по разминированию.

– Приветствую, капитан!

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Извини, Юра, но вынужден прервать твой выходной.

– А что произошло?

- Ничего особенного. Поступила вводная от генерала.
- Командировка?
- Да. Как и было запланировано, в Сирию. Подробности в управлении. Тревожную сумку с собой. Вполне возможно, что сегодня ты домой не вернешься.
- Ну не твою ли мать?! – вырвалось у Пахомова.
- Полковник сделал вид, что не расслышал.
- Что ты сказал?
- Ничего, собираюсь. Но у меня проблемы в связи со срочным вызовом.
- Излагай свои проблемы.
- Я должен был отвезти дочь в школу, забрать ее. Теперь это предстоит делать жене, а у нее в фирме в девять часов совещание. Правила там жесткие. Если она не придет, то в лучшем случае лишится премии, в худшем – вылетит с работы.
- Не продолжай. Дай телефон шефа этой фирмы.
- Телефон? Подождите.
- Пахомов взглянул на жену, весь вид которой показывал, как она ненавидит подобные звонки.
- Кто у вас в фирме начальник?
- А что?
- Потом объясню, говори быстрее.
- Березовский Эдуард Максимович.
- Давай номер его телефона.
- Зачем?
- Номер, Света!
- Жена продиктовала. Пахомов передал номер полковнику.
- Тот выдержал паузу, видимо, записывая цифры, затем сказал:
- Пусть Света не беспокоится. Сегодня ей предоставят отгул.
- Уверены?
- Юра, кто и когда отказывал нам?
- Ясно!
- Значит, дочерью занимается жена, ты быстро собираешься. Автобус уже пошел за офицерами и прапорщиками, у тебя должен быть через полчаса. Всем сбор в учебном центре в десять часов. Будет генерал-майор Адаксин. – Полковник прекратил разговор.
- Выключил телефон и капитан.
- Светлана откинула волосы.
- Дай-ка я угадаю с первого раза. Твой выходной накрылся. Тебя вызывают в управление, и ты для семьи ничего сделать не можешь. Так?
- Не совсем. Возможно, сегодня же я уеду, улечу, уплыву в командировку на неопределенный срок.
- Светлана сразу же сменила тон:
- В командировку?
- Да, дорогая. Еще в Суринаме... надеюсь, ты не забыла, что твой муж там летом работал?
- Не забыла.
- Так вот, еще в Суринаме нас оповестили, что после финала тендера вполне вероятно командировка в Сирию. Там, знаешь ли, сейчас тяжелая обстановка. ИГИЛ отступает, оставляя за собой тонны взрывчатки. Погибают мирные жители, в том числе женщины, такие же красивые, как ты, и дети, как наша Оля. А твой муж кто? Правильно. Сапер. А саперы чем занимаются? Тоже правильно, разминированием.
- Но у меня совещание. Хотя о чем это я?.. Ты не знаешь, надолго ли уезжаешь?

– Отвечаю по порядку. С твоим Березовским вопрос будет утрясен в ближайшее время без всяких негативных последствий для тебя. Более того, сегодня ты получишь отгул. Дальше. Я не знаю, на какой срок улетаю и когда отправляюсь. Но командировка, скорее всего, продлится не меньше четырех-пяти недель. Денежное содержание за текущий месяц тебе привезут из управления прямо домой. Так что обстановка кардинально изменилась. Ты занимайся дочерью, а я готовлюсь к отъезду. Автобус подойдет через полчаса. Нет, уже через двадцать пять минут.

Светлана подошла к мужу и проговорила:

– Юра, я понимаю, что уговаривать тебя уволиться и найти другую работу бесполезно. Я, конечно же, буду ждать тебя. Ты мне только одно обещаешь: скажи, что вернешься!

– Это я тебе гарантирую.

– А как же зоопарк? – спросила Оля.

– С мамой сходите.

– А ты мне подарки привезешь?

– Конечно. Но мне надо собираться. Вам, кстати, тоже.

Сбор занял не больше десяти минут. В тревожной сумке заранее лежало все самое необходимое для проживания в любых условиях, будь то пятизвездочный отель в мегаполисе или хижина в джунглях. Капитану оставалось только запихнуть туда тропический камуфляж, постиранный и отглаженный женой. Утепленный костюм, входящий в экипировку, находился на базе.

Пахомов надел куртку, обнял жену и дочь.

– До свидания, любимые мои, не скучайте. Я вернусь и привезу вам подарки, даже если это будут сушеные скорпионы.

– Фу, какая гадость, – проговорила дочь.

– Ладно, тебе я обязательно подыщу что-нибудь другое. Все, родные.

В это время со двора донесся сигнал автобуса.

Пахомов взглянул на часы. Надо же, тютелька в тютельку!

Он еще раз поцеловал близких, схватил сумку и вышел из квартиры.

Вчера вечером старший лейтенант Галдин узнал о предстоящем выходном. Он попросил водителя ведомственного автобуса тормознуть у остановки троллейбуса, не подъезжая к дому, где проживал в служебной однокомнатной квартире.

«Если командование объявило отдых, то надо этим воспользоваться», – подумал Галдин, прощаясь с сослуживцами.

От остановки он пошел не в сторону своего дома, а на соседнюю улицу, где в небольшом дворовом сквере спрятался уютный бар «Весна». Это была отдельная небольшая постройка, когда-то парикмахерская. Новые владельцы сделали перепланировку, хороший ремонт как снаружи, так и внутри. Здание, когда-то невзрачное, сейчас превратилось в настоящий теремок.

Старший лейтенант спустился по ступеням. Он знал здесь все. Слева на выходе раздевалка. Там гардеробщица тетя Вера, которая практически постоянно занималась вязанием то свитеров, то носков. Для внуков старалась, их у нее было трое. Она узнала его, улыбнулась.

– Добрый вечер, тетя Вера!

– Добрый, Вадим. Давненько ты не заходил.

– Работал.

– Все на стройке трудишься?

– Кто же в наше время меняет работу?

– И то верно. – Он подал гардеробщице кожаную куртку, предварительно достав из карманов документы и телефон. Штатный пистолет «ПМ» Галдин держал за поясом на спине. Он не хотел пользоваться кобурой, которая выпирала из-под одежды, где ее ни размести.

Вадим получил жетон и спросил:

– Как тут сегодня, спокойно?

– Да вроде спокойно. Пока.

Старший лейтенант с удивлением посмотрел на гардеробщицу и поинтересовался:

– Что значит «вроде» и «пока»?

– Да зашла недавно мутная компания. Всем лет по семнадцать-восемнадцать, а норов еще тот. Грубые, злые, подстрижены коротко, волосы только посреди головы, от затылка до лба, а по бокам выбриты.

– Ирокез.

– Что?

– Ирокез, говорю. Так эта прическа называется.

– Придумали!..

– Это не они придумали. В Северной Америке до сих пор живет индейское племя, которое так называется. Раньше они такие прически носили.

– Наши ничего своего придумать не могут.

– Это точно, даже прически. Ладно, трое их, говорите?

– Трое. Наглые до жути, Вадим. Видать, папеньки и маменьки большими деньгами ворочают.

– Необязательно.

Гардеробщица наклонилась к Галдину и спросила:

– У тебя машина есть?

– Есть.

– Такая же, как та, которая слева от бара стоит?

Когда Галдин подходил к «теремку», он обратил внимание на новый «Рендж Ровер».

– Нет, на такую мне не заработать.

– А машина этих трех ирокезов.

– Значит, родители у них очень неплохо упакованы.

– Чую, Вадим, что визит ирокезов сюда добром не закончится. А у нас сегодня охранник Боря не вышел на работу. Приболел. Второго хозяин братя не хочет. Все экономит.

– Кстати, тетя Вера, я тут весь персонал знаю. В курсе, что сутенер Жорик по совместительству является директором данного заведения, а его сестра тут главный бухгалтер. Но кто владеет кафе, мне неизвестно. Не подскажете?

– Это, Вадим, никто не знает. Кроме Жорика. Тот должен знать.

– Странно. Хотя сейчас многие стараются не афишировать свой бизнес, особенно те персоны, которым закон запрещает заниматься такими делами. Ладно, пойду.

Тетя Вера что-то сказала, но старший лейтенант не услышал ее. Он двинулся по коридору.

Первый зал заведения предназначался для тех посетителей, которые забегали сюда пропустить рюмку-другую и закусить нехитрым бутербродом. Второй побольше и посолиднее, с баром и стойкой. За ней Эдик. Завтра его сменит Володя.

Посетителей тут обслуживала официантка Надя, приехавшая в Москву из глухой провинции в поисках лучшей жизни и нашедшая ее в этом баре. Она и жила где-то в подвале этого здания.

Кабинки вдоль глухой стены, в них столики и диванчики на двоих. Посредине плитка, подсвечиваемая снизу, место для любителей подергаться под современную идиотскую музыку, жанр которой не определил бы ни один критик.

Справа от стойки столик на троих. Там сейчас сидели три девицы, снимавшие клиентов в этом заведении. Двадцатилетняя чернокожая Куна, уроженка то ли Нигерии, то ли Нигера, вроде бы училась в каком-то медицинском вузе. Когда только она успевала? Рядом Лора, девушка постарше, приехавшая с братской нам Украины, и москвичка Вика.

Эта восемнадцатилетняя безбашенная девица из благополучной семьи была очень даже хороша собой. Встретишь ее на улице и ни за что не подумаешь, что пред тобой жрица любви. Скорее одиннадцатиклассница, спешащая на сдачу выпускных экзаменов. Она любила носить школьную форму, а точнее, одеяние, похожее на нее, – белые туфельки, такие же гольфы, короткое коричневое платье с большим декольте, фартук голубого цвета.

Слава богу, бармен еще не врубил свой граммофон, и внутри было тихо. Какая-то парочка сидела за столом. Троица ирокезов расположилась в дальней кабинке. У них на столе стояли бокалы с темной жидкостью, наверное, виски.

Галдин подошел к стойке.

– Привет, Эдик, здравствуй, Надюша.

– Привет, Вадим, – в один голос ответили бармен и официантка.

– Как всегда? – спросил Эдик постоянного клиента.

– Да, сто пятьдесят граммов водки.

– Может, виски? У нас сейчас настоящий шотландский.

– Да? Ты еще скажи, что это пойло вам напрямую из Спейсайда завезли.

– Откуда? – Бармен с удивлением посмотрел на старшего лейтенанта.

– Из Спейсайда. Так называется один из районов Шотландии, где производят виски.

– А ты откуда знаешь? – осведомилась официантка.

– Знание, Надюша, сила. А если серьезно, как-то в Интернете вычитал. Давай, Эдик, водочки, нашей русской, только смотри, паленку сразу отличу!

– Да уже никто давно подделкой не торгует.

– Ты это вон той компании ирокезов расскажи.

– Закуска?..

– Что у вас есть?

– Бифштекс с жареным картофелем и соусом.

– Салат?

– Тайский, овощной, «Радуга».

– Давай бифштекс, овощной салат, хлеб, конечно, и минералки.

– Десять минут.

– Да хоть двадцать. Я никуда не спешу. Бутылку не прячь далеко. Можешь выставить ее на стол.

– Бутылку нельзя.

– Значит, Надюше придется периодически подносить мне по сто пятьдесят.

– Это моя работа.

– Ну да.

– А как насчет массажа, Вадим? – спросил бармен и кивнул в сторону девиц.

– Посмотрим, как пойдет. А почему я Жорика не вижу?

– Недавно уехал. Так что из мужиков я один здесь, не считая повара-китайца.

– Справишься. Народу сегодня мало.

– К десяти подгребут.

– Так это хорошо. Заработаете. – Галдин выпил сто пятьдесят граммов водки, закусы-
вать пока не стал и сел за столик рядом с молодой парой.

Вскоре Надежда принесла ему еще водки, бифштекс, салат, хлеб и минералку.

– Приятного аппетита, Вадим.

Она пыталась кокетничать с ним. Это было понятно. Девочке хотелось устроить жизнь в Москве, а это возможно, если рядом мужчина. Пусть не бизнесмен, но хотя бы такой, как Галдин. Все не в подвале жить.

В принципе официантка была ничего, но к долгим отношениям Галдин не стремился, а обманывать девчонку считал делом подлым.

– Спасибо, Надюша. – Старший лейтенант принялся закусывать.

Компания ирокезов тем временем основательно поддала и начала шуметь. Гогот быстро усиливался. Переростки уже начинали мешать старшему лейтенанту культурно отдыхать.

Галдин позвал официантку, и она чуть ли не бегом подскочила к нему.

– Надюша, можно сказать этим недоумкам, чтобы вели себя потише?

– Ой, Вадим, я не могу, боюсь.

– Эдик?..

– Да тот еще больше боится. Был бы охранник Боря, тот мигом заставил бы парней притихнуть. Он у нас десантник, пять лет в спецназе воевал, вся грудь в медалях и орденах. Да вот не вышел сегодня, простудился.

– Ладно. – Галдин уже влил в себя бутылку, закончил с закуской, собирался рассчитаться и отправиться восвояси.

Тут чернокожая девица поднялась и потянулась, да так, что стали видны ее белые трусики. Это зацепило парней.

– Эй, тварь черномазая, сваливай отсюда! Это зал для белых! – выкрикнул лупоглазый парень.

Куна посмотрела по сторонам, особой поддержки не увидела, но не ушла. Видимо, посчитала, что в случае чего Эдик вызовет полицию, отделение которой находилось рядом, буквально за углом.

– Ты что, обезьяна, не поняла? – еще сильнее заорал парень. Рудик, сечешь, эта мартьшка, обезьяна вконец оборзела, – обратился он к товарищу.

– Так проучи ее. Неужто не знаешь, как это делается? – спокойно ответил ему пацан, вальяжно развалившийся на диванчике.

– В натуре, проучу. Всякая вонючка будет нам вечер портить!.. И кто ее только трахает? – Лупоглазый подонок поднялся, в руке у него что-то блеснуло.

«Это не нож, – определил старший лейтенант. – Скорее свинчатка. Даже на девушку этот боец идет с оружием».

Галдину пришлось встать. Он подошел к столику, за которым сидели барышни, остановился.

К нему тут же подвалил лупоглазый фрукт:

– Ты чего, мужик?

– Я? Ничего, стою, никого не трогаю. А вот ты какого хрена пасть свою открываешь на девочку?

– Чего?

– Слушай, придурок, давай по-хорошему. Ты идешь обратно и тихо сидишь рядом с корешками. Либо вы всей своей гоп-компанией сваливаете отсюда, не забыв заплатить.

– А ты не охренел, мужик?

– Нет, я серьезно.

От кабинки донесся голос Рудика, видимо, старшего в этой компании:

– Ты чего там застрял, Окунь? Или алкаша испугался?

– Да я его сейчас!.. – Тут-то этот самый Окунь и совершил непростительную ошибку.

Он резко выбросил вперед вооруженную руку.

Старший лейтенант, мастер по рукопашному бою, легко отбил этот выпад и ответил хорошей боксерской двойкой. Сперва он попал по предплечью Окуня, а потом – прямо в нос.

Отморозок рухнул как подкошенный. Он вопил так, словно злобный хирург без наркоза вытащил всю его челюсть. Впрочем, и на самом деле удар был болезненный. Из носа поганца фонтаном била кровь. На это Галдин и рассчитывал. Свинчатка отлетела в сторону. Окунь корчился на полу.

Рудик и третий парень выхватили травматические пистолеты, спрыгнули с диванов и пошли на Галдина. Стволы они держали перед собой.

«А ведь будут стрелять, – подумал старший лейтенант. – Я-то от резиновых пуль увернусь, а вот девочки, сидящие за мной, – вряд ли. Да и Эдика с Надеждой выстрелы могут задеть. Хрен их знает, этих отморозков, резина у них заряжена или стальная дробь».

Посему Вадим не стал искушать судьбу. Он выхватил из-за спины «ПМ», снял с предохранителя, передернул затвор. Это не подействовало. Парни, видимо, решили, что у него тоже травмат.

Вадиму пришлось разочаровать их. Он отвел ствол в сторону и выстрелил по столу, за которым только что сидела эта троица. Один из бокалов разбился на мелкие куски. Парни обернулись, увидели, что произошло, и поняли, что у их противника не травмат, а боевой пистолет. Значит, это мент либо настоящий бандит, гораздо круче их.

Рудик поднял руки, согнутые в локтях.

– Все, мужик! Впечатлил. Извини, наш друг погорячился. Мы готовы возместить моральный ущерб.

– Мне от вас, подонков, ничего не надо. Кроме одного, пожалуй. – Он указал на Окуня, корчившегося на полу меж стульев. – Этот мерзавец должен извиниться перед девушкой. После чего вы расплачиваетесь и проваливаете отсюда. И чтобы больше вас в данном заведении не было. Если увижу, то первое, что сделаю – разнесу на куски ваш «Рендж Ровер». О продолжении и говорить не буду. Вопросы, недоумки?

– Какие вопросы? Окунь, извинись.

Лупоглазый тип поднялся.

Галдин отошел в сторону, держа на прицеле этого самого Рудика.

– Извините, девушка, – пролепетал Окунь.

Старший лейтенант взглянул на нее и спросил:

– Тебе этого достаточно, Куна?

– Да, конечно.

– Ну что ж, раз достаточно, то и ладно. – Старший лейтенант повернулся к Рудику и приказал: – Рассчитались!..

Парни бросились к стойке.

– И за бокал разбитый не забудьте заплатить, – добавил Галдин.

Два переростка рассчитались и ломанулись к выходу. Окунь хромал, едва поспевал за ними.

Куна подошла к Галдину.

– Спасибо, Вадим!

– Тебе, девонька, надо не под клиентов стелиться, а учиться. Ты зачем приехала в Россию? Чтобы стать врачом или торговать телом?

– Стать врачом, – проговорила Куна.

– Так учись.

Чернокожая девушка вздохнула и заявила:

– Уже не получится. Да и возвращаться на родину я не хочу. Здесь жизнь, пусть и такая, а там!.. – Она повернулась и села на свое место.

Вика поднялась и сказала:

– С нашей стороны будет неприличным не отблагодарить тебя, Вадим.

На втором этаже «Теремка» имелись несколько комнат, где эти барышни обслуживали клиентов.

– Что ты мне предлагаешь, «школьница»? – с усмешкой спросил старший лейтенант.

– Я могу предложить только одно. Незабываемую ночь. Хочешь, здесь. Можно и у тебя. Ведь ты живешь один, да? Бесплатно!

– Бесплатно? Как вы можете под разных мужиков ложиться? Ладно, попадется нормальный, без заскоков, которому просто необходима женщина. А если какой-нибудь из таких, как эти вот мерзавцы, которые только что ушли? Ведь такой гад тебя замордует.

– А я не обращаю на это особого внимания. Сделаю свое дело, получу бабло и свободна как птица. Мне не приходится корячиться на стройке или угождать начальнику, только и думая о том, чтобы с работы не выгнали, а то нечем будет кормить детей.

Галдин посмотрел на девицу и спросил:

– У тебя есть дети?

– Нет. Такого счастья мне не надо. Для меня главное – свобода, независимость и секс.

– Ну что ж, каждому, как говорится, свое. Ладно, пойду я.

– Мне с тобой? – Вика кокетливо наклонила голову, уронила пучок волос на плечо и приняла позу, подчеркивающую всю привлекательность ее миниатюрной фигуры. – Разве тебе не нужна нежная, ласковая, полностью доступная молодая женщина? Я воплощу в жизнь все твои фантазии. Люблю экспериментировать.

Галдин замялся.

«А почему бы и нет? – подумал он. – У меня уже недели две не было женщины. Мужик я крепкий, а секс для здоровья полезен, тем более с такой нимфой».

– Ладно, пойдем ко мне да расслабимся. Но учти, до утра. Ты сегодня лишишься дохода.

– Завтра заработаю, да и не в деньгах счастье.

– Ну, смотри.

Тут Лора, которая сама была не прочь развлечься с Вадимом, проговорила:

– Жорик с утра бабки потребует. Чем платить будешь?

– О Жорике не беспокойтесь, – проговорил Галдин, повернулся к бармену и заявил: – Эдик, если что, скажешь, я забрал Вику.

– Угу.

Галдин наткнулся на разочарованный взгляд официантки. Наверное, сейчас она жалела о том, что не оказалась на месте этой девицы.

– Сколько я должен? – спросил Галдин.

Эдик махнул рукой.

– Сегодня за счет заведения. Те отморозки не заплатили бы, если бы не ты, а после взбучки оставили вдвое больше положенного. Так что не надо никаких денег.

– Мне нужна бутылка водки. – Вадим взглянул на Вику и осведомился: – Тебе что взять?

– У меня все свое всегда при себе. Я только в номер сбегаю, да?

– Давай!

Барышня побежала на второй этаж. Там у нее были куртка и сумка с целой кучей всяческих мелочей, необходимых в ее трудной творческой работе.

Эдик выставил на стойку бутылку водки и заявил:

– Вообще-то мы не продаем, но сегодня особый случай, верно?

– Верно. – Старший лейтенант бросил на стойку пятисотенную купюру.

– Не надо.

– Бери. А то без штанов останешься в этом заведении.

К Галдину подошел парень, который сидел по соседству вместе со своей девушкой.

– Вы поступили благородно. Позвольте...

– Я поступил так, как должен был. А вот почему ты не попытался защитить девушку?

– Они меня на куски порвали бы. Я, знаете ли, совершенно не умею драться.

– Учись, студент. Уверенней будешь себя чувствовать.

– Нет, не получится. Но я хочу вас...

– Не надо. Ступай к своей красавице. Я все понял.

– Извините.

Прибежала Вика. Она была в спортивной утепленной курточке поверх своей школьной формы.

– Я готова.

– Пошли. Всем до свидания и спокойной ночи.

– Пока, Вадим, заходи.

Тетя Вера осуждающе посмотрела на Галдина, когда тот подошел к гардеробу вместе с девицей. Она молча взяла у него жетон, подала куртку.

– Вам не здесь, тетя Вера, работать надо, – сказал старший лейтенант.

– А вот это уже мое дело.

– До свидания.

– Счастливо.

– Пока, бабуля. – Вика скорчила ей физиономию.

– Ступай, непутевая. Посмотрю я на тебя лет через десять.

– Вы? Через десять лет? Разве люди так долго живут?

– Тьфу на тебя!

– Какая вы вежливая, тетя Вера.

– Рот закрой! – осадил Вику Галдин.

– Конечно, дорогой. Для тебя все, что угодно.

– Не поняла?

– Молчу-молчу.

Перед дверью старший лейтенант остановился, повернулся к барышне и заявил:

– Я пойду первым и осмотрюсь. Выйдешь, как позову.

– А чего?

– А ничего. Делай что говорят.

– Да эти отморозки уже в другом кафе сидят!

– Я сейчас отправлю тебя назад!

– Все, Вадим, извини.

Старший лейтенант распахнул дверь и быстро вышел на площадку перед баром, держа в руке пистолет. Страховка оказалась напрасной. Он только женщину с собачкой так напугал, что она завалилась на кусты и затащила туда своего питомца.

– Простите, мадам.

Ни внедорожника, ни отморозков видно не было.

– Вика!

– Тут я. – Барышня выбежала из бара.

– Идем.

– Может, такси вызовем?

– Тут ходьбы десять минут.

Они пошли из двора на проспект и вскоре были у Вадима.

Галдин старался поддерживать в своей берлоге порядок, но все же было заметно, что здесь жил одинокий мужчина. Впрочем, ни он, ни его подружка не обратили на это ни малей-

шего внимания. Они посидели на кухне, выпили, затем приняли душ. Вика надела чулки, короткую открытую черную майку, туфельки на каблуках, извлеченные из сумки.

Вадиму это не понравилось. Он привык спать с голыми женщинами и намекнул Вике, что надо бы раздеться.

Потом старший лейтенант наконец-то узнал, что такое настоящий секс. Вика набросилась на него как тигрица. Что она вытворяла в постели, даже описать невозможно, да и не нужно. Лишь благодаря допингу в виде водки старший лейтенант продержался три часа. Потом Вика улеглась рядом с ним, вся измотанная, потная, но жутко довольная.

– А ты силен в сексе, Вадим. Признаюсь, что так хорошо мне еще ни с кем не было, а мужиков я перевидала немало.

– Мне тоже хорошо. Но каждый день так заниматься любовью невозможно.

– А я была бы не против.

– Ты чертовка.

– Да, я такая!

– Иди в душ, я за тобой.

Вика прошла в ванную, а Вадим – на кухню. У него еще было в запасе граммов двести спирта. Это добро он по случаю взял у начальника склада ГСМ войсковой части, дислоцирующейся рядом с учебным центром МЧС. Старший лейтенант из горла выпил половину, не разбавляя. Только после этого дрожь в теле пропала. Да, эта красotka могла довести до инфаркта. Но хороша, слов нет.

После душа они уснули.

А когда Вадим проснулся в шесть часов, Вики уже след простыл. Только записка на журнальном столике: «Захочешь, позвони – приеду!» И номер мобильного.

Старший лейтенант хотел выкинуть бумажку, но, подумав, засунул ее между книг, стоявших на полке. Глядишь и пригодится. По крайней мере, не надо будет искать женщину для удовлетворения естественного желания.

Он принял душ, снова завалился на постель и отметил чистоплотность своей гостьи. Она не оставила за собой ни единого следа, тщательно прибралась в квартире. Если бы не запах, то можно было подумать, что ночной сексуальный фейерверк ему всего лишь приснился.

Все бы хорошо, если бы не болела голова. Зря он догонялся спиртом после водки. Вадим мог бы и поправить здоровье. В бутылке осталось сто граммов спирта, а очень даже неплохая доза. Но старший лейтенант никогда не похмелялся. Знал, что часа через два все пройдет само собой. А выпьешь, только хуже потом будет.

Он лежал на постели, кутаясь в одеяло, единственную вещь, которая сохранила память о присутствии в доме ночной гостьи, впитала в себя запах ее молодого ненасытного тела. Галдин ни о чем не думал, просто смотрел в потолок, с которого давно следовало бы смести паутину.

Он задремал и едва не подскочил, когда раздался звонок служебного телефона.

«Какого черта, сегодня же выходной? Но ответить я просто обязан», – подумал Вадим.

– Старший лейтенант Галдин.

– Привет! Это Пахомов.

– Доброе утро, товарищ капитан. Вам что, сейчас заняться больше нечем?

– Что за недовольный тон, старший лейтенант?

– По-моему, у нас сегодня выходной.

– Я тоже так считал, пока мне не позвонил Серданов.

– У нас проблемы?

– Проблемы у других, но разбираться с ними, скорее всего, придется нам. Короче, дружище, у тебя десять минут на сборы. Выезжаем в центр. Автобус будет ждать на проспекте у остановки через двадцать минут. Подробности на месте от Серданова и Адаксина.

– Что, и генерал там будет?

– Да. Ты рад?

– Не представляешь, до какой степени. Если и генерал, то дело серьезное. Сирия?

– Ты, Вадим, собирайся, не теряй времени! До встречи!

– Давай! – Старший лейтенант отключил телефон и подумал: «Вот и отдохнули. Хорошо, что Вику вчера забрал из бара. А то вышел бы полный облом».

Вадим встал, заправил постель, достал из шкафа тревожную сумку. Он, как и Пахомов, засунул в нее тропическую форму. Только в отличие от капитана постиранную и поглаженную не женой, а им самим.

Старший лейтенант посмотрел на часы. У него еще было время на то, чтобы выпить чашку крепкого кофе. Он направился на кухню, включил кофемашину, подаренную друзьями на день рождения.

Освежившись крепким ароматным напитком, старший лейтенант забрал сумку, надел кожаную осеннюю куртку, проверил пистолет и вышел из квартиры.

Вскоре он был у остановки на проспекте.

Подъехал автобус. Открылась дверь. Галдин вошел в салон, сел лицом к друзьям.

– Да, Вадим, погулял ты знатно, – заявил Пахомов, сидевший напротив.

– Что такое?

– Да от тебя перегаром садит за версту и морда лица не того.

– Что не того?

– Ты сам-то на себя в зеркало смотрел?

– Смотрел. Нормальная физиономия.

– Ну, если ты так думаешь, то я не знаю, какая ненормальная.

Когда Галдин брился, он, конечно же, видел, что личико у него, мягко говоря, не совсем комильфо. Но он думал, что со временем опухлость сойдет, морщинки разгладятся. Видимо, прошло слишком мало времени.

– Ну и что, даже если и так? Перегар, помятая физиономия? Нам вчера что объявили? Выходной. Следовательно, я имел полное право расслабиться.

Снегирев улыбнулся и заявил:

– Судя по всему, расслаблялся ты часов так до четырех. И не один.

– А вот это, Сеня, не твое дело.

– Да я же по-дружески.

– Заметно.

– Мог бы рассказать товарищам, как развлекался.

– Товарищам этого не понять, потому как все обремененные узами семейной жизни.

А я человек вольный.

– Не хочешь, не надо.

– Вот именно.

В 8.20 микроавтобус въехал на территорию центра и остановился у двухэтажного небольшого здания, где располагалось управление.

Из него вышел помощник полковника Серданова, капитан Холин.

Офицеры поприветствовали друг друга, и Пахомов спросил:

– Начальство уже на месте?

– Полковник Серданов, – ответил Холин. – Генерал Адаксин в пути. К девяти часам будет, если не застрянет в пробках.

– Так у него спецсигнал и мигалка. Встречка относительно свободна, успеет, – сказал Снегирев.

Галдин прикурил сигарету, и тут Холин окликнул его:

– Вадим, бросай свою соску и бегом к Серданову!

– С чего бы это?

– Таков приказ. По приезде группы старшего лейтенанта Галдина к полковнику.

– Не понял.

– Ты ступай, там, в кабинете, все поймешь.

– Но хоть с чем связан вызов, не скажешь?

Холин улыбнулся и ответил:

– С поведением некоторых офицеров специального отряда во внеслужебное время.

– Вообще ни хрена не понял.

– Иди, пока Адаксина нет, а то еще и перед генералом объясняться придется.

Галдин понял, что вызов связан со вчерашним происшествием в баре, но не мог понять, откуда о нем известно командиру отряда.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Входи, Галдин!

Вадим шагнул в кабинет и доложил как положено:

– Товарищ полковник, старший лейтенант Галдин по вашему приказанию прибыл.

Серданов поморщился и заявил:

– Ты леденцы какие-нибудь купил бы. Перегар еще тот. Бормотуху, что ли, пил?

– Между прочим, имел право.

– Употреблять спиртное в баре «Весна» ты, конечно, имел право, так как получил освобождение на сутки, а вот бить подростков, да еще и стрелять из табельного оружия, тем более внутри бара, никакого права у тебя не было.

– Кто слил, товарищ полковник?

– Не слил, Вадим. На тебя заявление в полиции лежит. К нему привлечено повышенное внимание.

– Что в заявлении?

– То, что ты пьяный избил молодого человека, который с друзьями спокойно и мирно отдыхал в баре. Этого тебе показалось мало, и ты решил выставить парней из заведения. Уж что там у тебя замкнуло в голове, никто не знает, но ты достал боевой «ПМ» и выстрелил по столу, за которым сидели друзья избитого парня.

Галдин качнул головой и заявил:

– Понятно. Один из отморозков или все они кучей имеют высокопоставленных папаш и мамаш.

– Не сами же они заработали на «Рендж Ровер», который ты, кстати говоря, угрожал взорвать.

– Это указано в заяве?

– Да, Галдин. Тебе что-нибудь говорит фамилия Гарданов?

– По-моему, какая-то шишка в мэрии.

– Бери выше! В федеральном правительстве.

– Это не первый заместитель какого-то министра?

– Он самый. Гарданов Анатолий Николаевич. Один из юношей, перенесший стресс из-за твоих агрессивных действий, Рудольф Анатольевич, его сын. Ему же принадлежит и внедорожник.

– Да мало ли что написали эти придурки.

– Если бы только они одни. Против тебя дали свидетельские показания бармен, официантка и две девушки, которые отдыхали в кафе, когда ты пьяный дебоширил.

– Ясно. Подсуетился адвокат чиновника?

– Само собой. А ты ждал чего-то иного?

– Но вы-то понимаете, что без причины, причем очень веской, я не стал бы бить, кстати, защищаясь от одного подонка, и делать предупредительный выстрел против двух других? Не знаете, оружие у них полиция не обнаружила, хотя бы травматическое?

– Какое оружие, Вадим? У мальчиков, прилежных студентов престижного вуза, никакого оружия не имелось. Они даже пьяными не были и, естественно, ни на кого не нападали, никого не оскорбляли.

– Ладно. Мне все ясно. Дальше что?

Серданов посмотрел на часы.

– Думаю, минут десять у тебя есть.

– На что?

Полковник достал из папки чистый лист бумаги, положил на стол, рядом опустил свой «Паркер».

– Присаживайся и быстро, но подробно изложи то, что реально произошло вчера в баре «Весна». Включая и то, что ты увел из бара молодую, возможно, несовершеннолетнюю девушку.

– О роде занятий этой девушки писать?

– Все писать.

– Никакой девушки не было. Ни молодой, ни старой.

– Пиши, старший лейтенант. У тебя всего десять минут.

– А что это даст?

– Больше, чем ты представляешь. Давай расписывай все, я к офицерам на улицу, заодно и генерала встречу. Тебе написать объяснительную и находиться здесь.

– Понял. Есть один вопрос.

– Давай.

– Вы-то откуда узнали о заявке?

– Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей, – ответил полковник и вышел.

Галдин принялся писать объяснительную. Управился он с этим быстро. Опыта у старшего лейтенанта хватало. Стряпать подобные бумаги ему приходилось часто.

На улице зашумел и замолк двигатель авто.

Старший лейтенант подошел к окну, поднял жалюзи, увидел у входа «БМВ» генерала Адаксина. Тот стоял у крыльца, рядом – полковник Серданов и офицеры отряда, вызванные на беседу. Его товарищи направились в штаб, скорее всего, в зал совещаний.

Генерал же с полковником зашли в кабинет.

– Вот Георгий Борисович, наш герой!

Галдин принял положение «смирно».

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

– Здравствуй, старший лейтенант. Погусарил, значит, вчера?

– Никак нет. Действовал в строгом соответствии с законом. Ладно, почти в строгом, однако иначе не мог.

– Да что ты? Объяснительную написал?

– Так точно!

– Давай. – Генерал взял лист бумаги, присел в кресло, прочитал, поднял глаза на Галдина и осведомился: – Это правда?

– Слово офицера.

– Я, конечно, и прежде не доверял показаниям этих представителей «золотой молодежи». Судя по твоим объяснениям, они подпадают под серьезные статьи.

Серданов вздохнул и заявил:

– Пока под серьезную статью, Георгий Борисович, подпадает старший лейтенант Галдин.

– Это пока. – Генерал достал сотовый телефон, нашел в памяти нужный номер, включил громкую связь и нажал на кнопку вызова. – Михаил Андреевич, приветствую, генерал Адаксин.

– Доброе утро, Георгий Борисович.

– Я по предстоящей работе группы гуманитарного разминирования и противоправным действиям одного высокопоставленного чиновника правительства, точнее сказать, его сыночка.

– Слушаю.

Адаксин коротко изложил собеседнику суть дела, зачитал объяснительную старшего лейтенанта Галдина и добавил:

– Таким образом, Михаил Андреевич, «золотая молодежь» продолжает творить беспредел, а люди, пытающиеся их остановить, заносятся в разряд обвиняемых. Мне интересно, сколько данное безобразие будет продолжаться? Помнится, на совещании у президента ясно было дано понять, что надо выявлять и жестко пресекать этот беспредел. Но ничего не происходит. Более того, детишки наших чиновников начинают представлять угрозу офицерам спецподразделений и проведению запланированных спецмероприятий. Чиновники же, вместо того чтобы образумить своих чад, прикрывают их, используя свое служебное положение. В итоге на данный момент я не могу гарантировать выполнение задачи, поставленной центром. Из-за вседозволенности некоторых лиц.

– Я все записал. Значит, господин Гарданов?

– Его сын с товарищами. В полиции есть данные о них и искаженная, даже клеветническая информация об этом происшествии.

– Разберусь лично с Гардановым и сотрудниками органов правопорядка, которые прикрывают незаконные действия названных вами лиц. Ваш офицер может продолжать службу. Никто не будет мешать решению поставленной задачи.

– Благодарю, Михаил Андреевич.

– Вы сбросьте мне объяснения старшего лейтенанта по закрытому каналу правительственной связи.

– Хорошо. Сделаю. Вам мало устного доклада?

– Нет, не в этом дело. Просто есть мнение, что господин Гарданов засиделся на занимаемой должности. Он нередко игнорирует законы и использует служебное положение в корыстных целях. Это коррупция, с которой мы должны бороться бескомпромиссно и жестко.

– Понял. Объяснение будет передано немедленно.

– Жду, как и предварительный план работы в Сирии.

– Сейчас отправлю, Михаил Андреевич.

– Удачи!

– До свидания. – Адаксин отключил телефон, взглянул на Галдина и приказал: – Спуститесь в зал совещаний, товарищ старший лейтенант!

– Есть, товарищ генерал-майор!

Глава 3

Разведчики Адамсона передохнули и в 3.05 продолжили перемещение к первому открытому участку дороги. До перекрестка, за которым он начинался, было всего метров сто.

Впереди шагал Язид Фарес, за ним, как и прежде, держались Давуд Наги и Карим Игбал, в замыкании – лейтенант Бреун и сержант Лаурье.

Спустя несколько минут Фарес вызвал на связь Бреуна:

– Эльф, я Пятый!

– Слушаю.

– Прошел кучу мусора.

– Что?

– Прошел кучу мусора.

– Ты не принял наркоты?

– Нет.

– Тогда какого черта докладываешь о пустяках?

– Это не пустяки. Тут куча обломков бетонных плит, во все стороны торчит арматура, в досках большие гвозди. Можно и без всяких мин остаться калеккой. Будьте осторожней.

– Ты за обстановкой следи. С мусором как-нибудь разберемся.

– До связи!

– И только по делу!

– Да.

Бреун чертыхнулся, вложил рацию в чехол и пробурчал:

– Как мне надоели эти идиоты!

– Что такое, Райан? – спросил Лаурье.

– Да дозорный открытым текстом выдал в эфир, что прошел через кучу мусора, насыщенную арматурой и гвоздями. Чтобы мы случайно не поранились. Не придурок ли?

– Он же предупредить хотел, Райан.

– Открытым текстом?

– Ты же знаешь, мы работаем на частоте, которую ни русские, ни сирийцы не используют. В настоящий момент все станции переведены в режим импульсной связи. Переговоры перехватить невозможно.

– Но запеленговать станцию вполне реально.

– Ты думаешь, что русские подтянули к Эль-Нугуру аппаратуру РЭБ?

Бреун поправил бейсболку и ответил:

– Это, конечно, вряд ли, но наш ливиец все равно придурок. Все они таковы.

– Тогда почему мы с ними?

– Так надо.

– Кому?

– Стефан, не задавай глупых вопросов. Давай прекратим базар. Впереди самое опасное.

Напрасно Бреун не придал должного значения предупреждению дозорного. Сирийцы беспрепятственно прошли через кучу строительного мусора, перегородившую улицу на всю ширину, а вот европейцы получили проблему. И не одну. На ровном месте.

Лаурье пошел вперед, через метр завалился на бок и вскрикнул от боли.

– Что такое?

– Правую ногу распорол арматурой. А ведь дозорный предупреждал!..

– Сильно распорол?

– Сейчас посмотрю. Кровь идет, но вена, по-моему, не задета. Черт, больно-то как!

– Погоди, помогу.

– Смотри, сам не напорись.

Бреун вызвал Фареса и приказал:

– Пятый, стой, укройся!

– Принял. Что-то случилось?

– Ждать, смотреть!

– Есть!

Лейтенант добрался до сержанта, увидел кровоточащую рану снизу на правой ноге.

– Мышцу порвал?

– А черт его знает. Арматура ржавая, может заразу внести.

– Сейчас. – Лейтенант достал из рюкзака санитарный пакет, обработал рану. Она оказалась широкой, но не глубокой.

Он перевязал место повреждения и сказал:

– А ну-ка попробуй встать.

– Ох, твою мать!

– Что?

– Сзади!

Бреун обернулся.

Из-за бетонных плит высунулась морда большого пса. Глаза его горели, из пасти стекла пена. Он подбирался к людям.

– Черт! Почуял запах крови.

Пес бросился на Бреуна. Раздался выстрел, второй. Большая тощая черная собака завалилась на бок и задергала лапами.

Бреун оглянулся.

Лаурье держал в руке «беретту».

– Зачем стрелял?

– Этот пес обезумел от голода. Он порвал бы тебя.

Лейтенант показал нож.

Сержант отрицательно покачал головой и заявил:

– Не помог бы.

– Но выстрел был слышен далеко. Впереди наверняка есть блокпост. Теперь асадовцы предупреждены о том, что рядом кто-то есть. Они быстро выяснят, что стреляли не свои.

Тут же ухнули два взрыва где-то севернее.

– Ого! – проговорил Бреун. – Похоже, кто-то налетел на растяжки.

– Асадовцы.

– Не нравится мне эта канонада.

– А кому она нравится? Надо быть внимательнее. Ты постарайся встать.

Сержант поднялся.

– Как?.. – спросил Бреун.

– Нормально, мышца не повреждена. Больно, но идти можно.

– Вколоть обезболивающее?

– Я сам! – Сержант достал из боевой аптечки шприц-тюбик, воткнул иглу рядом с раной прямо через брюки, выдавил содержимое. Пустой шприц-тюбик он выбросил в кучу мусора.

– Готов? – спросил Бреун.

– Да.

Лейтенант вызвал дозорного и приказал:

– Пятый, вперед!

– Принял.

Разведгруппа Адамсона двинулась к перекрестку.

Старший лейтенант Герасин, находившийся рядом с капитаном Тайфуром, воскликнул:

– Два выстрела. Похоже на «беретту».

Тайфур посмотрел на российского советника и спросил:

– Ты можешь определить вид и марку оружия по двум далеким выстрелам?

– Это в любом случае пистолет. У меня была «беретта». У нее выстрел именно такой, хлесткий. У кого могут быть эти стволы?

– Банда игольников?

– Группа или один боевик, пробивающийся из города.

– Зачем стрелял? Ведь этим выстрелом он выдал себя.

– Значит, у него не было другого выхода.

– Что ты имеешь в виду?

– Думаю, кто-то налетел на свору собак или на безумца, который готов убить человека за крошку хлеба. В подобных местах нередко встречаются такие личности. Просто так никто стрелять бы не стал.

На связь вышел Валиев.

– Выстрелы!

– Слышали.

– Недалеко. Скорей всего, к нам идут гости.

– Для этого мы здесь и находимся. Готовность полная!

– Да, Латар.

Не успел российский капитан отключиться, как прогремели два взрыва в северной части города.

– А это что за дела? – воскликнул Валиев. – Подрыв гранат?

– Не знаю. Свяжусь с комбатом, проясню обстановку и сообщу.

– Давай.

Капитан Тайфур переключился на командира батальона майора Дахара.

– Тигр, ответь Латару.

– Тигр на связи, – тут же отозвался комбат.

– Слышал взрывы. Что это?

– Потери! Отделение второго взвода первой роты осматривало многоквартирный дом.

Во дворе бойцы налетели на растяжки. В итоге четверо «двухсотых», трое «трехсотых», двое из них тяжелые. На растяжках были установлены по две осколочные гранаты, а бойцы шли кучно.

– Странно, что в доме сюрпризов не было, только во дворе. Почему бойцы не увидели проволоку или леску?

– Боевики умеют ставить растяжки. Это были подарки обратного действия с резинкой, прижатой к земле камнями. Бойцы не могли видеть проволоку или леску. Кто-то случайно задел один из камней.

– Ясно. Я сожалею.

– У вас что?

– У нас тоже обстановка изменилась. Минуты три назад слышали два выстрела примерно метрах в ста или чуть больше, предположительно из «беретты».

– Кто по кому стрелял, неизвестно?

– Нет. Советник считает, что кто-то продвигался по улице к выходу из города и встретился с собаками, обезумевшими от голода.

– Это реально. Готовы встретить противника?

– Так точно!

– Задачу помнишь?

– Само собой. Попытки прорыва противника пресекать огнем на поражение. Мелким группам, до пяти человек, предложить сдаться, в случае отказа уничтожить, стараясь при этом взять живым хотя бы одного боевика.

– Все верно. Связь со мной держи постоянно. Боевики выйдут именно на вас.

– Мы с ними разберемся.

– До связи!

– До связи!

Разведчики прошли первый чистый участок улицы, и Бреун спросил француза:

– Как ты?

– Нормально.

– Через семьдесят метров кварталы обрываются, дальше холмы. Это уже за городом. Там спасение. Будем делать привал?

– Не стоит. Надо идти. Сейчас асадовцы наверняка ослабили наблюдение, разбираются со своими людьми, погибшими при взрывах.

– Но они могли слышать твои выстрелы.

– Да мало ли кто мог выстрелить в городе? Местные не разберут, из чего стреляли, а русские?.. Откуда им тут быть? Блокировать город – не их дело. Потом работать внутри, это да, а сейчас тут действуют подразделения правительственных войск.

– Хорошо. Продолжим движение, прижимаясь к правой стороне.

– Расходиться не будем?

– Нет. Тебе в любой момент может понадобиться помощь.

– Спасибо, Райан.

Бреун бросил в эфир:

– Внимание всем! Выходим на второй и последний чистый участок. Преодолеваем его в прежнем порядке. Осталось совсем немного. Не спешить, соблюдать дистанцию в двадцать метров. Как поняли?

Боевики доложили, что все поняли.

Потом Язид Фарес вышел на открытый участок. Он поглядывал на черные проемы окон жилых домов, по два на каждой стороне улицы. Они выглядели безжизненными. Он двинулся вперед, держа наготове «АКС».

Бойцы сирийского спецназа и российские советники заметили его. Пошли доклады.

Первым на связь с командиром группы вышел старший лейтенант Стуров:

– Латар, я Заслон!

– Да!

– Вижу боевика.

– Мы тоже видим. Продолжайте наблюдение до команды.

– Принял.

Следующим с Тайфуrom связался капитан Валиев:

– Латар, здесь Бархан!

– Слушаю.

– На улице боевик!

– Да.

– Похоже на передовой дозор.

– То, что это одиночка, исключаешь?

– Одиночка не шел бы посреди улицы. Он бежал бы сломя голову, прикрываясь домами, скорее всего, перемещался бы дворами. А вот, кстати, и доказательство моей правоты.

Следом за дозорным двигались еще двое вооруженных боевиков. Они вышли на относительно чистый участок и прижались к домам.

Дождь в этот момент внезапно прекратился.

– Авангард? – спросил у Валиева Тайфур.

– Нет, это уже основные силы. Идут по двое. Плохо, что держат дистанцию в двадцать метров. Если их рыл десять, то все они не втянутся на открытый участок.

– Значит, прихлопнем тех, которые втянутся. Остальных отработаем при дневной зачистке, когда и сил у нас будет больше. Пока смотрим.

Давуд Наги шел в двух метрах от правого дома и вдруг почувствовал опасность. Интуиция никогда его не подводила.

«Сообщить об этом американскому лейтенанту? – подумал боец. – Но тот наверняка обзовет меня безмозглым ослом. Ведь он профи из США, а не какой-то дерьмовый араб, которого неделю назад мочиться стоя научили. Высокомерная скотина».

Наги осмотрел дом. Проемы окон низко. В любой из них можно запрыгнуть, если вдруг что.

Его напарник Карим Игбал опасности не чувствовал, но соблюдал все меры предосторожности. Он шел метрах в пяти от здания и смотрел вперед.

Наги сбросил накидку. Она будет только мешать, если придется прыгать. А если опять пойдет дождь, то он не сахарный, не растает.

Вышли на открытый участок и Бреун с Лаурье.

Француз указал вперед и проговорил:

– Смотри, лейтенант, Наги жметя вплотную к дому. Там сложнее идти из-за битого кирпича.

– Бойся. Трусливый шакал. Когда они полностью контролировали восточную часть Алеппо, такие персонажи, как этот Наги, были героями. Они грабили своих соотечественников, убивали мужчин, насиловали женщин. А сейчас он испугался.

– А ты не боишься? – неожиданно спросил Лаурье.

– Ты это о чем? И кому? Мне, прошедшему Ливию и Ирак?

– Извини.

Бреун притормозил, поднял ночной бинокль, осмотрел проемы окон ближайших домов.

– Что?.. – спросил Лаурье.

– Вроде тихо.

– Увеличим темп?

– Нет. Идем в прежнем режиме.

Когда пятеро боевиков оказались на открытом участке, Тайфура вызвал Валиев:

– Латар, ответь Бархану!

– На связи!

– Это вся банда.

– Уверен?

– Ты видишь, кто идет в замыкании?

– Европейцы.

– Это советники. Они могут быть в замыкании только в том случае, если все местные бойцы высланы вперед. Наемники дорого ценят свою жизнь. Да и на первом открытом участке никого нет. Я смотрел через оптику.

– Значит, работаем по этим?

– Да. Дозорные уже в десяти метрах от позиции пулеметчика.

– Кого берем?

– Естественно, европейцев. Я подстрелю одного из них, того, который слева по ходу. Ты возьми второго. Остальных в минус!

– Да, действуем так. Внимание, группа! – Тайфур переключился на всех бойцов. – Замыкание не трогать, остальных взять на прицел. Ждать команды!

Бойцы спецназа приготовились. Тайфур взял в прицел Бреуна, Валиев – Лаурье.

Командир группы передал в микрофон:

– Группа, огонь!

Вспыхнули черные проемы и куча мусора перед улицей, до которой Язид Фарес не дошел считанные метры. Его порвали очереди пулемета.

Игбала наспиговали свинцом сразу двое, старший лейтенант Герасин и сержант Пирани. А вот подгруппа Валиева слегка запоздала, открыла огонь на миг позже. Наги успел нырнуть в пролет окна среди фонтанов, поднятых пулями.

Выстрелил Валиев. Пуля пробилла Лаурье левую ногу. Француз охнул и начал падать.

Бреун понял, что группа попала в засаду, подхватил француза и поднял его.

– Брось! – крикнул Лаурье.

– Нет, сержант, я вытащу тебя.

На самом деле прикрылся телом сержанта.

Тайфур видел, что не поразит боевика. Но и дать ему уйти он тоже не мог.

Сработала рация.

– Да, – выкрикнул Тайфур.

– Латар, я Бархан! Не стреляй. Пусть зайдут в дом, там оприходуем их. Только выставь еще одного бойца на контроль двора. Твоим оставаться на месте. По укывшимся будем работать мы. Латар, это не обсуждается! – Валиев переключился на Герасина. – Второй, ответь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.